

МОЛОДЕЖЬ И ВОЙНА

МОЯ ДУША ПОКОЯ НЕ НАХОДИТ

И. КИРЯНОВА, ученица 11 «А» класса

*Он (Иисус) сказал в ответ:
возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим,
и всею душою твоею, и всею крепостию твоею,
и всем разумением твоим,
и ближнего твоего, как самого себя.
Евангелие от Луки, глава 10*

Тогда я как обычно сидела на перемене в кабинете и грустила. Как вдруг на глаза попала необычной формы книга, на белой обложке которой черными большими буквами было написано «Михаил Савицкий». «Художник?», – подумала я про себя. Стало очень любопытно, поэтому я спросила у учительницы: «А это кто?». Она подняла на меня свой заинтересованный взгляд и ответила: «Можешь посмотреть, если хочешь». Моя голова, всегда жаждущая найти себе приключение, сразу же подала рукам сигнал: «Открывайте!». Не знаю, было ли это знаком Божьим, но именно следующие действия являются причиной того, почему я вообще пишу этот рассказ. Перед моим взором появились нарисованные на глянцева́й бумаге люди, но не обычные, а очень странные люди. Двое из них достаточно хорошо одетые, упитанные, веселящиеся, с довольными, но злыми и хитрыми глазами. Другие – худые, кожа да кости, несчастные, измученные, босые, в глазах только тлеет искорка надежды. А третьи – мёртвые, закаменелые до такой степени, что рой мух слетелся над их телами, со скрюченными в судорогах пальцами, открытыми стеклянными глазами, в которых читается немой вопрос: за что? Полосатая грязная одежда и звезда Давида на груди. Это евреи. На этой картине надсмотрщики заставляли живых петь и везти телегу с мертвыми, при этом сами они

воспринимали все как забаву и смеялись. «Ужас!» - пролетело в моей голове. Глазами читаю название картины. Я в панике. «Поющие лошади»? Именно так назвал художник эту картину. Кто же такой этот художник?

Михаил Савицкий – народный художник БССР (1972) и СССР (1978), как бывший военнопленный, Савицкий был награжден медалью «За победу над Германией», уроженец Беларуси.

Весь мой следующий день прошел в раздумьях о евреях, об их жизни, если это можно назвать жизнью, во время Великой Отечественной войны. Мою душу стали волновать различные вопросы. Что чувствует человек, зная, что в ближайшем времени его ждет неминуемая смерть? Как выстоять в нечеловеческих условиях и остаться при этом человеком? Какой ценой возможно спасение? В поисках ответов на свои вопросы я забрела к бабушке, ведь её детство прошло во время Великой Отечественной войны.

Смерть, жаждущая жертв

Бабушка разглядывала альбом репродукций Михаила Савицкого, а по щеке катилась скупая слеза. Вдруг она как-то встрепенулась и сказала: «Вечная память тем, кто безвременно покинул эту землю, всем невинно убиенным. Пусть Господь помянет их во царствии своем. А ты, внучка, помни всегда и детям своим расскажи». Бабушка вздохнула и начала свой страшный рассказ.

Колдычевский лагерь смерти. Свыше 22 тысяч человек было здесь расстреляно, повешено, замучено, отравлено газом. Первыми заключенными лагеря были активисты советской власти и военнопленные. Жертвами концлагеря стали практически все евреи и цыгане региона, а также большое количество поляков, военнопленных, около 100 католических священников. Привозили на машинах и переселяли на специально огороженную территорию. Было до жути страшно. Люди чувствовали себя свиньями, которых загнали в клетку, с единственным отличием: у свиней на ограждении никогда не было колючей проволоки. Узников селили в многочисленные холодные помещения. Многие побывали в камере пыток, где жертв подвергали страшным истязаниям. Им прокалыва-

ли язык, загоняли иголки под ногти, подвешивали, растягивали мышцы, ломали пальцы рук и ног, избивали резиновыми дубинками, лили воду в нос, сдавливали голову специальным станком, вырезали ножами куски тела и кололи штыками, ставили голыми ногами на раскаленную сковородку, рвали волосы, натравливали специально выдрессированных собак... В лагере для узников установили голодный режим при одновременном непосильном, изнурительном труде. Спали на нарах в 3-4 этажа на тонком слое соломы. Кормили «баландой» — заваренной в воде ржаной мукой. То, что называлось «хлебом», выдавалось по 150 г на человека в сутки. Все пленные были истощены, есть хотелось до жути как сильно, усугубляло ситуацию то, что немцы специально пекли вкусный хлеб для себя, аромат которого разносился по всему концлагерю. Это их любимая пытка. Все носили опознавательные знаки на груди, спине: красный круг с черной точкой — партизан, желтая шестиугольная звезда — еврей, буква «р» — поляк. Да, условия ужасны, однако люди нет.

Каждый, кто был узником лагеря, понимал: чтобы не умереть, не утратить свою последнюю ниточку надежды на спасение, нужно было верить. Веру эту подрывали каждую минуту. В воспоминания врезались намертво глаза моего соседа, когда он лежал на кушетке, испытывая огромную боль от ссадин и ран, что нанесли немцы дубинками. В глазах была глубокая безысходность. В такие моменты последние надежды на спасение исчезали. Нам не говорили, не предупреждали о том, что кого-то скоро не станет. Просто в один день утром они уходили работать, а вечером не возвращались. Потом припоминали, что днем прозвучало несколько выстрелов. Представь, как это осознавать, что последнее, увиденное в твоей жизни — это гора трупов, а последнее услышанное — грохот выстрелов. Выхода теперь не было никакого, не было ни сил, ни желания. Хотелось лишь, чтобы мучения закончились поскорей.

Но бывали и случаи спасения, которые окрыляли, вдохновляли, давали сил бороться с собой и с чужаками-зверями, которые пришли на нашу землю убивать. Так, однажды была спасена группа подростков. Нас вели строем. Мама шла ря-

дом со мной и плакала. Тайком я ловила её измученные взгляды, поглядывала на трясущиеся руки. Не знаю, почему, но я не плакала. Возможно, смирилась, возможно, была настолько шокирована и напугана, что сил лить слезы больше не осталось. Только разные вопросы путали мысли: почему я должна умереть? что в жизни плохого сделала? Детям, что жили в таких условиях, как я – в лагерях, пришлось очень рано повзрослеть, осмыслить жизнь и понять ее несправедливость. Надсмотрщики следили, как мы огромным, не побоюсь этого слова, стадом шли к месту расстрела. Я плохо помню, как спаслась, помню лишь, что был один надсмотрщик, который помогал многим детям сбегать. Тогда мама силой вытолкнула меня, сказала бежать за другими детьми. На мой немой вопрос о ней отвечала: «Я позже, главное – иди ты». Больше я её не видела. Дальше все в тумане. Возможно, тогда я испытывала такие чувства, которые мой мозг захотел заблокировать и не переживать снова. Я никогда не забываю маму – самого прекрасного человека, который смог помочь спастись мне от смерти, что заглядывала мне в глаза.

Я родилась в 21 веке и понять полностью, что чувствовали люди во время войны, для меня невозможно. Я могу лишь попробовать представить этот ужас. Кто захочет прожить в таком голоде, когда твой организм от нехватки еды начинает поедать себя же, прожить в таком холоде, что перестаёшь чувствовать своё тело? Никто. Поэтому наслаждайтесь каждой минутой мирной жизни, относитесь друг к другу с добротой, любите друг друга так, как хотели бы, чтобы любили вас.